

кая его из дальнейшего текста: «Сочинения Ария Монтана [1527—1598], издавшего в Нидерландах первый реестр запрещенным книгам, вмешены были в тот же реестр», а затем пишет: «Не злому какому примеру тут следовано, говорит Сенека, его собственному». Сюда он делает новое примечание, также извлекая его из текста Бекмана: «Кассий Север, друг Либienia, видя писания его в огне, сказал: „теперь меня сжечь надлежит, ибо я их наизусть знаю“». Сие подало случай при Августе к законоположению о поносительных сочинениях, которое, по природному человеку обезьянству, принято в Англии и в других государствах». За цитатой из Сенеки [после «собственному»] в «Путешествии» следует: «Даждь небо, чтобы зло всегда обращалось на изобретателя его и чтобы воздвигший гонение на мысль, зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление осужденными! Если мщение когда-либо извинительно быть может, то разве сие» (309). В статье Бекмана приведенным строкам соответствует: «Так писания Ben. Ария Монтана, который помог составить в Нидерландах первый перечень запрещенных книг, включены потом в подобный перечень. Кассий Север, говоривший в насмешку, что следовало сжечь его живым, потому что он знал сочинение своего друга Лабиена наизусть, дал повод к закону Августа против поносительных сочинений. Когда Кремуций Корд назвал в своей истории K. Кассия последним римлянином, сенат, чтобы польстить императору Тиверию, постановил сжечь его книгу, хотя остались многие списки. Антиох Эпифан постановил сжечь иудейские книги», и т. д.¹

Радищев пишет: «Во времена народного правления в Риме гонение такового рода обращалось только на суеверие, но при императорах простерлось оно на все твердыя мысли. Кремуций Корд в Истории своей назвал Кассия, дерзнувшего осмеять мучительство Августово на Лабиениевы сочинения, последним римлянином. Римский сенат, ползая перед Тиверием, велел в урождение ему Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. „Тем паче, говорит Тацит, смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим могут истребить воспоминование следующего поколения. Хотя власть бешенствует на казнь рассудка, но свиреп-

inimicos, ut omnes ejus libri incenderentur. Res noua et insueta-supplicia de studiis sume. Bono Hercule publico, ista in poenas ingeniosa crudelitas post Ciceronem inuenta est. Quid enim futurum fuit si ingenium Ciceronis triumviris libuisset proscribere? Ejus qui hanc in scripta Labieni sententiam dixerat, postea viuentis adhuc scripta, combusta sunt; jam non malo exemplo quia suo“.

¹ «So wurden Schriften des Ben. Arias Montanus der das erste Verzeichniss verbothenen Bücher in den Niederlanden machen half, auch hernach in ein solches Verzeichniss gesetzt. Der Cassius Severus der spöttisch sagte: man müsse ihn lebendig verbrennen, weil er die Schriften seines Freundes, des Labienus, auswendig wüsste, veranlasste das Gesetz des Augustus wieder Schmärschriften». Далее вместо замечания о природном человеку обезьянстве и мольбы о мщении у Бекмана следует: «Als Cremutius Cordus in seiner Geschichte den C. Cassius den letzten Römer genant (sic) hatte, liess der Rath um dem Kaiser Tiberius zu schmeicheln, das Buch verbrennen, wiewohl viele Abschriften überblieben. Antiochus Epiphanus liess die Bücher der Juden verbrennen» и т. д.